
УДК 81'373:811.532.3

ББК 81.03

A 16

Абрегов А. Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: acherdan@mail.ru

Структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем адыгских языков: этимологические этюды
(Рецензирована)

Аннотация:

Дается структурно-мотивационная характеристика ряда лексем адыгских языков только на основе этимологических исследований, хотя в лингвистической литературе отмечается, что в агглютинативных языках границы морфем четко отграничены друг от друга. Лексические единицы адыгейского и кабардино-черкесского языков рассматриваются с учетом исторических изменений на фонетическом, морфемном и семантическом уровнях.

Ключевые слова:

Этимология, номинация, частично мотивированные слова, немотивированные (псевдомотивированные) слова.

Abregov A. N.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: acherdan@mail.ru

Structural and motivational interpretation of a number of lexemes in the Adyghean languages: etymological etudes

Abstract:

The structural and motivational characteristic of a number of lexemes in the Adyghean languages is provided only on the basis of etymological researches though in agglutinative languages, as the linguistic literature shows, the borders of morphemes are accurately delimited from each other. Lexical units of the Adyghean and Kabardino-Circassian languages are examined taking into account historical changes at phonetic, morphemic and semantic levels.

Keywords:

Etymology, nomination, partially reasoned words, unmotivated (pseudo-reasoned) words.

В общем языкознании утвердилась мысль о том, что в агглютинативных языках наблюдается гапlosemia формообразующих морфем, «нанизывание аффиксов для выражения сочетания разнородных граммем» [1: 235], «*между морфемами со-* храняются четкие границы, поэтому значительных фонетических изменений не происходит» [2: 281], «*нетипичны явления опрощения и переразложения*» [3: 266]. Тем не менее, в процессе исторического развития языков агглютинативной типо-

логии имеют место изменения различного порядка на фонетическом, морфемном и семантическом уровнях. В связи с этим внутренняя форма слова становится непрозрачной, что затрудняет его членение на значимые составные части, а в ряде случаев такое деление становится практически невозможным. Поэтому в этом случае только этимологический анализ позволяет реконструировать исходное звучание, восстанавливать прежнюю структуру, мотивационные признаки, легшие в основу слова, и его первоначальное значение.

Вполне закономерно, что в адыгских языках как языках агглютинативного строя структура большинства слов прозрачна, и выделение составляющих элементов не вызывает никаких затруднений. Поэтому неслучайно и образно охарактеризовал структуру слов в адыгских языках Л. Г. Лопатинский, который писал, что слова «так же легко разбиваются по составным частям, как цветок по лепесткам» [4: 39]. Подтвердим это суждение на примерах. Так, в адыгейском языке слово *нэIапльэкI* «полотенце» состоит из следующих компонентов: *нэ* «глаз», *Iэ* «рука», *нэ* «нос» и *льэкI* «вытирающий», ср. глагол *лъэкIы-н* «вытирать» (ср. каб.-черк. *нэпэIэльэщI* с другим расположением компонентов). Мотивирующие признаки понятны, и лексему *нэIапльэкI* можно буквально объяснить так: «то, с помощью чего вытирают глаза, руки, нос». Слово *напэ* «лицо» состоит из двух компонентов: *нэ* «глаз» и *нэ* «нос». В этом случае наименование лица включает в свой состав два его существенных признака – «глаз» и «нос». Есть в адыгейском языке и третье слово для обозначения лица – *нэIу*, которое состоит из компонентов *нэ* «глаз» и *Iу* «рот». Здесь также налицо такая мотивация – «глаз» и «рот» как бросающиеся в глаза характерные части лица. Все рассмотренные производные слова адыгейского языка являются ясно и четко мотивированными словами, поскольку их внутренняя форма прозрачна.

В адыгейском языке есть слова,

членимые на синхронном уровне, однако один из компонентов композита может быть объяснен только диахронически. Такие лексические единицы мы причисляем к частично мотивированным словам. Это связано с тем, что с течением определенного времени слово выпадает из лексической системы языка в качестве самостоятельной лексемы и теряет свое смысловое содержание, хотя обозначаемая им реальность остается в языке и нуждается в номинации. Так, в кабардино-черкесском языке есть такие слова, как *чей* «кадка», *къунтх* «удочка», их соответствия *чай*, *къынтф* утрачены адыгейским языком и даже не перешли в раздел архаизмов. Для именования *кадки* и *удочки* адыгейский язык прибегает к вторичной номинации, и место исчезнувших слов заняли новообразования – сложные слова, созданные на базе устаревших путем присоединения к прежним наименованиям определяющего компонента-модификатора: *пхъэчай* «кадка» (из *пхъэ* «дерево», «деревянный» и **чай* «кадка», букв. «деревянная кадка»), *пцэкъынтф* «удочка» (из *пцэ* «рыба, рыболовный» и **къынтф* «удочка», букв. «рыболовная удочка»).

Забвению могут быть подвержены и заимствованные слова. В адыгейском языке функционирует частично мотивированное слово *шьоджюздан* «саквояж», членимое на два компонента: *шьо* «кожа», «кожаный» и *джюздан*, утраченного адыгейским языком. Этимологический анализ позволяет установить, что персидское слово *джюздан* проникло в адыгейский через посредство турецкого языка, в котором оно означает «бумажник», «кошелек», «портфель». Обозначаемые этим словом вещи могли быть изготовлены из кожи, о чем и свидетельствует адыгейское название саквояжа *шьоджюздан*, что буквально означает «кожаный саквояж».

К числу частично мотивированных слов относится и название инжира в адыгейском языке, представляющее собой также вторичное образование, – *шхын-*

цумпэ. Только второй компонент *цумпэ* в современном адыгейском языке является самостоятельной лексемой и означает «земляника», «ягода». Первый компонент, как мы полагаем, восходит к греческому слову *σῖκον* со значением «инжир». Следует добавить, что в адыгейском на народноэтимологической основе греческое слово произносилось как *ихын* со смысловым содержанием «инжир». Следовательно, слово *ихынцумпэ* буквально означало «инжир-ягода» [5: 92]. В современном адыгейском языке слово *ихынцумпэ* имеет значение «инжир».

Слова, чаще всего, являются немотивированными, или псевдомотивированными (по терминологии Й. Эрбена [6]). Этимологический анализ этих слов настолько затруднен, что ученые предлагают различные толкования. О словах подобного типа З.И. Керашева пишет так: «Для этимологии слова необходимо, во-первых, установить его исконность, во-вторых, выделить в слове основу, корень и аффиксы, учесть фонетические изменения, произношение в слове...» [7: 96].

Показательно в этом отношении происхождение названия хлопка и ваты в адыгских языках. Адыгейское *бзыуцыф* и кабардино-черкесское *бжъэхуц* сильно отличаются друг от друга фонетически, наряду с этим есть расхождения в расположении компонентов сложного слова. М.А. Кумахов считает, что это слово образовано посредством сложения трех корневых элементов: *бзыу* «птица» + *цы* «шерсть» + *фы* «белый»; букв. «птичья белая шерсть» [8: 99]. Иную этимологию предлагает А. К. Шагиров. По его мнению, в адыгейской форме произошли метатеза и вставка гласного у. Исходя из этого он выводит слово из сложения *бзыху* // *бзыфы* «липа» и *цы* «шерсть, пух, пушок» (на растениях) [9: 89-90], букв. «липовый пух». Однако считаем более правомерным дать иное объяснение. Полагаем, что корни слов исторически соединены в такой последовательности: *бзыу*

«птица» + *фы* /*ху* «белый» + *цы* «пух». Этот порядок расположения сохранился в кабардино-черкесском языке, а в самом сложном слове произошли значительные фонетические изменения, затемнившие структуру слова. Напротив, в адыгейском языке нет никаких фонетических изменений, однако компоненты *фы* «белый» и *цы* «пух» переставлены.

Суммируя наши высказывания, можно утверждать, что наименование хлопка и ваты образовано путем сложения двух компонентов: *бзыуф(ы)* / каб.-черк. *бзыуху* «лебедь» и *цы* «пух, перо», что буквально означает «лебяжий пух», так как «хлопок и вату сравнили с лебяжьим пухом, а не с белым пухом птицы» [9: 72]. Аналогичная перестановка компонентов сложного слова произошла в адыгейском языке в слове *шъхъашъоцы* «волосы на голове» (из *шъхъэ* «голова», *шъо* «поверхность» *цы* «волос», букв. «волосы на поверхности головы») [10: 99], которое превратилось в *шъхъацышъо*. Это же слово в кабардино-черкесском языке такой перестановке не подверглось. Там налицо *шъхъэфэц* с прежним, исходным расположением компонентов композита.

К третьей группе принадлежат слова, которые называются немотивированными, или псевдомотивированными (по терминологии Й. Эрбена, см.: 6). Словообразовательная структура и внутренняя форма таких слов объясняется народной, ложной этимологией. Так, адыгейск. *губат* // *гуубат* «пирожок четырехугольной формы, представляющий собой выпечку из слоеного теста с начинкой из свежего адыгейского сыра», «гуубат». На народноэтимологической почве данное слово сближается с *гуубат*, которое понимается в народе как калорийная питательная пища, приторная для сердца. Однако данная лексема не имеет никакого отношения к словам *гу* «сердце» и *убэтэн* «разбивать, разрушать». Слово *губат* через посредство других языков заимствовано из арабского *kubbat* «кубба, кубейба (название блю-

да - жареные шарики из мяса, пшеницы, чеснока и т. д.)» [11: 862]. Ближе всего к адыгейскому *губат* стоит татарское слово гёбәдия «губадия (большой пирог с начинкой из риса, яиц и мяса)» [12: 121].

Анализ свидетельствует о том, что

в адыгских языках могут происходить изменения различного характера, поэтому структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем возможна только на основе этимологического анализа.

Примечания:

1. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1997. 272 с.
2. Перетрухин В.Н. Введение в языкознание: курс лекций. Воронеж, 1972. 360 с.
3. Гируцкий А.А. Введение в языкознание: учеб. пособие. Минск: Тетра Системс, 2001. 288 с.
4. Лопатинский Л.Г. Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование // СМОМПК. Вып. XXX, отд. 4. Тифлис, 1908. С. 35-51.
5. Абрегов А.Н. Исследования по лексике и словообразованию адыгейского языка. Майкоп, 2000. 204 с.
6. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. B.: Schmidt, 1993. 183 S.
7. Керашева З.И. Язык - ценный источник для познания истории народа // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2008. Вып. 1. С. 83-97.
8. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.; Нальчик, 1964. 272 с.
9. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. 291 с.
10. Абрегов А.Н. Названия растений в адыгейском языке: синхронно-диахронный анализ. Майкоп, 2000. 134 с.
11. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь; II - М: СЭ, 1970. 1167 с.
12. Татаро-русский словарь. - М: СЭ, 1966. 1307 с.

References:

1. Maslov Yu.S. Introduction to Linguistics. 3rd ed. M.: Vyssh. shk., 1997.
2. Peretruxhin V.N. Introduction to Linguistics: a course of lectures. Voronezh, 1972.
3. Girutsky A.A. Introduction to Linguistics: a manual. Mnsk: Tetra Systems, 2001.
4. Lopatinskaya L.G. The suffixes of the Russian language. The influence of the Caucasian languages on their formation // SMOMPK. Issue XXX, otd. 4. Tiflis, 1908.
5. Abregov A.N. The study of the vocabulary and word-formation of the Adyghe language. Maikop, 2000.
6. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. B.: Schmidt, 1975. 183 S. (Grundlagen der Germanistik, 17).
7. Kerasheva Z.I. Language as a valuable source for learning the nation's history // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2008. Issue 1. P. 83-97.
8. Kumakhov M.A. Morphology of the Adyghe languages. M.; Nalchik, 1964.
9. Shagirov A.K. Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages. M.: Nauka, 1977.
10. Abregov A.N. The names of plants in the Adyghe language: synchronous and diachronic analysis. Maikop, 2000.
11. Baranov Kh.K. The Arabic-Russian dictionary; II – M.: SE, 1970. 1167 pp.
12. The Tatar-Russian dictionary. – M.: SE, 1966. 1307 pp.